

Богатая Л.Н.,

*доктор философских наук, доцент философского факультета
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

МЕТАКОНЦЕПТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ

Аннотация. Метаконцептуальные построения являются частью формирующейся многомерной методологии. Представления о концепте, мета-концепте и их методологических возможностях приводятся в статье в качестве вывода общеметодологических размышлений, которые актуализируют представления о методе в контексте ряда таких важнейших когнитивных инструментов как вера, принципы, идеалы. Предлагается рассмотрение процедуры компактификации, исследуются элементы протометодологического анализа.

Ключевые слова: метод, методология, концепт, мета-концепт, многомерность

Одной из интереснейших проблем современности является проблема постижения *многомерности*. Попытки обращения к *методологическому ракурсу* освоения многомерности были зафиксированы еще в 80-х годах прошлого столетия в рамках дискуссий, проводимых советскими обществоведами. Подробно результаты этих дискуссий были освещены в нескольких статьях известного российского философа В.Ж. Келле [1], [2]. Однако существенного прорыва в развитии многомерной методологии в XX веке так и не произошло. К началу же XXI века стали складываться предпосылки формирования принципиально новых подходов к освоению многомерной методологии. Достаточно развернута позиция автора по поводу многомерного мышления, складывающейся традиции многомерной методологии, представлена в монографии [3]. Целью данной публикации является введение представлений о *мета-концепте* как об элементарной форме, позволяющей реализовывать многомерные когнитивные акты. Размышления о мета-концепте предваряются переосмыслениями того, что есть *метод* в контексте ряда фундаментальных методологических инструментов — *веры, принципов, идеалов*.

Метод, методологические приемы и процедуры. Термин *метод* происходит от греческого слова *methodos*, что означает *путь, исследование, прослеживание*. Методы — есть следы деятельности усилий человека. В чем-то метод похож на глубинное знание, которое вначале интуитивно, не очень осознанно нащупывает исследователь.

Метод обретает свои очертания только в результате практических действий, его нельзя изобрести, а затем применить. Вначале все происходит наоборот: человек что-либо делает и только потом исследует результаты своих действий. По ним и обнаруживается сам *метод*, процедурно проявляется.

Если речь идет о науке, то первую рефлексию по поводу научных методов осуществляют сами же ученые. Но чаще всего подобная деятельность ограничивается достаточно частными замечаниями, «суждениями *по поводу*». Хотя следует признать, что без соответствующих откровений тех, кто непосредственно причастен к совершению научных открытий, было бы сложно осознать методологию получения нового знания. Окончательную, итоговую работу по прояснению того или иного научного метода осуществляет *методолог*. В его задачу входит не только экспликация метода, но и его соотнесение с уже существующим методическим инструментарием.

В поле зрения методолога попадают не только результаты научных работ, но и плоды гуманитарных, философских исследований. Тем самым, формируется более высокая точка обзора, предполагающая уже не только проведение частных методологических прояснений, но имеет место воссоздание, обозрение некоторой *общеметодологической целостности*. Процесс этого воссоздания начинается с прощупывания отдельных частнометодических корреляций.

Давно стали историей времена *методологического монизма*, когда те или иные гениальные одионочки пытались одарить человечество открытием некоторого универсального метода. К настоящему моменту понятно, что универсального метода не существует и каждая достаточно серьезная, принципиально новая проблема со свойственной ей спецификой объектов и предметных срезов исследования требует особого методического инструментария. В результате формируется широкое методическое многообразие, в котором обнаруживаются отдельные корреляции, интегрирующие тренды.

Методологические размышления еще и еще раз направляют внимание на классические методы

— *анализа и синтеза*, в достаточной близости к которым обнаруживается процедура *компактификации*.

В определенном смысле *компактификация* близка операции *сжатия*. Так же, как и в результате *сжатия*, при *компактификации* происходят *некоторые* структурные изменения в организации информации, по отношению к которой операция *компактификации* была применена. При *компактификации* эти изменения являются более значительными, нежели при *сжатии*, но меньшими, чем в результате *синтеза*. Фактически, итогом *компактификации* оказывается смена одной информационной структуры структурой иной, *чаще всего* более высокого уровня организации. При этом в отличие от процедуры *синтеза*, вследствие которой переход на вышележащий иерархический уровень является обязательным, процедуры *компактификации* могут вести к незначительным иерархическим подвижкам. Достаточно близкой *компактификации* оказывается операция *редукции* (латинское слово *reductio* означает — логический прием преобразования каких-либо данных к более удобному с какой-либо точки зрения виду). Интересен биологический смысл термина *редукция*, понимаемый как *упрощение* строения или *исчезновение* органов в связи с утратой их функций в процессе эволюции. Именно этот смысл оказывается близким смыслу, вкладываемому в термин *компактификация*. Однако близость вовсе не означает тождественности. При наличии определенной операционной схожести процедур *компактификации*, *сжатия*, *редукции*, близости в смысле осуществления той или иной структурной перестройки, обнаруживаемой у группы объектов, по отношению к которым применяются соответствующие операции, каждая из них имеет свои особенные отличительные черты.

Размышления о *компактификации* естественно актуализируют вопрос: зачем вводить предположение о существовании новой процедуры, назначение которой осознается пока еще достаточно смутно? Подобные вопросы задавались, к примеру, Жаку Лакану, который в своих психоаналитических исследованиях достаточно широко использовал отдельные термины топологии и, в частности, термин *компактификация*. Многие математики подобные терминологические заимствования Лакана называли *злоупотреблениями*, научными *некоррекциями*. Примером тому является достаточно интересная работа двух профессоров физики Жана Брикмона и Алена Сокала «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» [4]. Авторы отмечают, что употребление Лаканом топологической терминологии оказывается не просто вольным, а не имеющим

ничего общего с теми значениями, которые закреплены за соответствующими терминами в математике. К мнению известных профессоров интересно прислушаться и даже, вероятно, некоторые из их аргументов можно было бы принять, если бы Лакан вел свои размышления в контексте математических исследований. Его же психоаналитические толкования осуществлялись в философском ключе, соответствующие тексты не следует относить ни к области математики, ни к психоаналитике. А если так, то топологические термины оказались в несвойственном для них концептуальном окружении и выступали в роли метафор с их конструктивным потенциалом, требующим последующего философского прояснения.

Сказанное о *компактификации* является иллюстрацией того, что *методологические сдвиги*, *методологические подвижки* обнаруживают себя на процедурном уровне. Все начинается, возможно, с проявления не совсем понятных с методологической точки зрения *практик*, в которых, при последовательном рассмотрении, можно выделить те или иные *методические элементы*, *методические приемы*, в своем единстве представляющие *методологическую процедуру*, которая проясняется в результате сопоставления с процедурами близкими, уже достаточно хорошо освоенными. И только затем появляется некоторая вероятность того, что вновь обнаруженное «методическое образование» можно ввести в состав того или иного метода. Справедливости ради следует заметить, что многие процедурные новации могут остаться методологическими курьезами, так и не проявив своего методологического потенциала.

Рассмотрение процедуры *компактификации* оказывается чрезвычайно плодотворным в контексте исследования многомерной методологии, изучения особенностей оперирования *метаконцептами*, представления которых будут введены чуть ниже.

Метод в контексте ближайших познавательных инструментов. Размышления о методе предполагают поиск ответа на вопрос о том, в контексте какого когнитивного инструментария метод себя обнаруживает. Продумывание соответствующего вопроса стимулировалось знакомством с чрезвычайно интересной работой С.Б. Крымского, посвященной рассмотрению «метода как такового» [5].

Метод и вера. На первый взгляд может показаться, что *вера* и *метод* понятия сложносовместимые. В первую очередь по причине того, что *вера* традиционно соотносится с *религией*, а метод с *наукой*. Кроме того, все, что касается веры, имеет личную, субъектную окраску. Когда же речь заходит о методе, то *как бы* само собой

разумеется, что речь идет о чем-то *объективном, общепризнанном, общезначимом*. Хотя, как минимум, следует согласиться с российским философом Ю.В. Сачковым в том, что «метод не есть однажды данная отмычка... он получает обогащение в процессе познания» [6, 7].

Связь между *верой* и *методом* проясняется в результате размышлений о глубинной *личностной включенности* субъекта познания в познавательный процесс. Известный историк науки М. Полани по этому поводу замечает: «Всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный акт личности, познающей все, что становится известным, и этот вклад не есть всего лишь некоторое несовершенство, но представляет собой необходимый компонент всякого знания вообще» [7, 319]. Приведенную в цитате мысль можно некоторым образом уточнить, обратив внимание на смыслы терминов *познание, сознание, знание*. *Сознание* и *познание* направлены на оперирование *знанием*. Или иначе: и *сознание*, и *познание* возможны только благодаря тому, что существует *знание*, они вторичны по отношению к *знанию*. Глаголы *сознать* и *познать* обозначают действия, связанные со *знанием*. Причем *познать* подчеркивает действие, которое можно осуществить только *после* обнаружения *знания*. Что же касается термина *сознание*, то с его помощью акцентируется *процедура совместности, стягивания* того или иного *знания* в результате личностно осуществляемого интенционального акта.

Если теперь перевести внимание на термин *знание*, то можно мыслить, по крайней мере, существования двух смысловых уровней его функционирования. Первый уровень может быть определен как уровень *личностного* знания. Это то знание, которое оказывается впервые обнаруживаемым. Именно об этом, личностном знании, полученном в результате индивидуальных творческих усилий, и размышляет М. Полани. Но термин *знание* может иметь и иной смысл, а именно — *общепринятое, объективное, истинное знание*. Возникновение подобного знания можно представить следующим образом: *личностное знание*, проходя многочисленные процедуры частных познавательных, сознательных актов, переводится тем или иным культурным сообществом в разряд *общепринятого знания*. При этом оказывается не столь важным, что к *истинному знанию* это знание вовсе и не имеет никакого отношения. Так, в какой-то исторический момент *общепринятым знанием* считалось то, что Солнце и все планеты вращаются вокруг Земли, затем эта система знаний была заменена на гелиоцентрическую. И *истинным* знанием признавалось *знание иное*. Начиная с эпохи эмпиризма, истинным знанием

стали считать то знание, которое прошло экспериментальную проверку и подтверждение (хотя, опять же, сомнительность подобной установки достаточно аргументировано представлена в позициях П. Фейерабенда). В любом случае, как бы ни относиться к вопросу о необходимости обязательного экспериментального подтверждения того, что претендует на переход с уровня *личностного знания* на уровень *знания общепринятого*, важно еще раз подчеркнуть, что термин *знание* можно понимать в двух смыслах — как *знание личностное* и *знание, принятое культурным сообществом*. Принятие приведенного различия ведет к тому, что любая *познавательная деятельность*, равно как и любая *сознательная деятельность* обретают двухуровневость. Или иначе: *познание* и *сознание* могут осуществляться либо на уровне коллективного, *общепринятого знания*, либо на уровне *знания личностного*.

В процессе обретения *личностного знания* чрезвычайно важен акт *веры*. Можно полностью разделить точку зрения М. Полани о том, что «верить во что-то — значит осуществлять мысленное действие» [7, 320]. В качестве подкрепления обозначенной позиции Полани приводит знаменитые слова Лютера: «На том стою и не могу иначе». Многие поступки, совершаемые человеком, а мыслительный акт, несомненно, следует рассматривать как поступок, осуществляются в состоянии глубокой веры.

Размышления о *вере* в контексте *личностного знания* совершенно естественно актуализируют представления об *ответственности* за то, что человек проводит в мир под видом *личностного знания*. Полани в этой связи замечает: «Веря в оправданность сознательно взятых на себя интеллектуальных обязательств, я принимаю эти случайности личностного существования как конкретные возможности для осуществления нашей личной ответственности. Это принятие есть чувство моего призвания» [7, 336]. Обнаруживаемое человеком *личностное знание* обязательно предполагает взятие на себя *ответственности*. За все сказанное, за все записанное автору предстоит держать *ответ*. И эта *ответственность* ощущается так же остро, как и *призвание*. Именно *ответственность* автора требует верения каждого сказанного и записанного слова. *Личностное знание* может быть принято или не принято культурным сообществом, но это принятие или неприятие является вторичным. Первого и самого серьезного критика Автор встречает в лице самого себя. И первый ответ он держит перед самим собой.

Размышляя о *вере* и *методе*, интересно обратиться к еще одному высказыванию М. Полани.

Он, в частности, отмечал: «Отказываясь от тщетной погони за формализованным методом, концепция вовлеченности принимает вместо этого личность ученого в качестве деятельного субъекта, ответственного за проведение и удостоверение научных открытий» [7, 318]. В данном случае есть основание не совсем согласиться с английским историком науки. *Личностно проводимое знание* все равно добывается с помощью какого-либо метода, неся в себе самом его отпечатки. К сожалению, этот метод не легко обнаружить, но из этого не вытекает, что следует отказываться от соответствующих попыток. Понимание метода дает не только определенную методологическую вооруженность, но и способствует развитию методов других, тем самым, обогащая когнитивный арсенал исследователя. Потому еще раз важно подчеркнуть: принятие позиций личностной вовлеченности субъекта познания никак не связано с отрицанием значимости метода, с помощью которого это знание обнаруживается.

Метод и объект. Утверждение о том, что выбор *метода* исследования предопределяется *характером изучаемого объекта*, видится настолько очевидным, что проведение каких бы то ни было рассуждений по этому поводу кажется заведомо лишеным интереса. И, тем не менее, изменение точки зрения на те или иные *очевидности* иногда может способствовать обнаружению достаточно интересных результатов.

Фиксация объекта исследования связана с проведением самой первой процедуры, которую можно обозначить как *разрушение целостности*. Эта процедура может быть отнесена к *протометоду*, обращение к которому имеет место на самом первом этапе прикосновения к реальности, первом фокусировании, следствием которого оказывается выделение *объекта*.

Именно на этой стадии исследования включаются первые *методологические установки*, подбирается метод, язык, выстраивается контекст. Чаще всего обозначенные действия осуществляются неосознанно. Но неосознанность не означает *незначимость*. Ибо если всех отмеченных действий не осуществить, то может возникнуть ситуация методологической неопределенности.

Проведенное В. Дильтеем разделение наук на *науки о духе* и *науки о природе* настолько глубоко вошло в методологическое сознание современных исследователей, что естественность подобного разделения не вызывает никаких сомнений. Естественно возникшая в результате этого фундаментального разделения методологическая дифференциация стала причиной фундаментальных разрывов общекультурного когнитивного пространства. Возможно, для того, чтобы смягчить

сложившуюся ситуацию и целесообразно возвратиться к продумыванию протометодологической стадии исследования, к стадии выделения *объекта* из общемировой *целостности*.

На первой стадии обнаружения объекта наиболее значимыми оказываются операции *интендирования, восприятия, обозначения выбранного объекта, формирования первичных представлений о нем*. Все эти операции *личностно* окрашены. Соответственно, они и привносят элемент личностного знания. Следующий исследовательский шаг, который все еще относится к протометодологической стадии, актуализирует операции *редукции и абстракции*, с помощью которых из первоначально проявленных объектов и соответствующих им вербальных массивов выделяются отдельные группы терминов, в контексте которых и осуществляется дальнейшее исследование. Значимость этой протометодологической стадии сложно переоценить, ибо именно на этой стадии задается *мерность пространства* исследования, формируются теоретические и концептуальные зародыши.

С операций *редукции и абстракции* берет начало конкретизация того или иного метода исследования. В этой связи определенные сомнения вызывают распространяющиеся в настоящее время *антиредукционистские настроения*. Странно читать и слышать о сравнении *редукции* со *злом*, уводящим человека от человеческого. Нелепо и противопоставление *гуманитарного и естественнонаучного* знания через противопоставление *антиредукционизма и редукционизма*. Вероятнее всего, антиредукционистские настроения сопряжены с недостаточным осознанием самой операции редукции. Для того чтобы что-либо *понять*, необходимо это что-либо *выделить, обозначить и очистить* от всего лишнего, препятствующего пониманию (с точки зрения того или иного исследователя). В самом грубом приближении, подобное очищение и есть редукция.

Если еще раз вернуться к осмыслению начального этапа применения любого метода, а именно — *этапу выделения объекта из общей целостности*, то важно заметить, что именно здесь интеллектуальный поиск подвержен максимальной опасности оказаться под влиянием той или иной теоретической установки, которая может проявиться уже в том или ином *специфическом наборе терминов*, с помощью которых начинается исследование. Поэтому не критическое отношение к неявным предпосылкам в исследовательской работе может негативно повлиять на результаты всего труда.

Метод и принципы. Латинское слово *principium* означает *основа, начало*. За термином

принцип исторически зафиксировалось три основных значения. Первое связано с толкованием *принципа* как первопричины существующего. Такой первопричиной, к примеру, для Гераклита был *огонь*, для Пифагора — *число*, Шопенгауэра — *воля*. С другой стороны, *принцип* может рассматриваться как *основополагающее теоретическое знание*, которое не предполагает наличия доказательства (подобно *аксиоме* и *постулату*). Третье значение термина состоит в фиксации *основополагающей этической нормы*, которая во многом предопределяет поступки индивида. Столь подробное погружение в семантику термина связано с попыткой проявления основных акцентов, которые важны для понимания того, как *принцип* обогащает *метод* при их совместном применении. Как отмечает С. Крымский, «в состав каждого метода входят... принципы как субъективное выражение в нормативно-императивном наклонении объективных закономерностей познания тех или иных предметных отраслей [5, 122].

Соотнесение *принципа* и *метода* придает последнему основательность и фундаментальность, в определенной мере — культурную включенность, ибо каждый этап культурного развития осуществляется под влиянием тех или иных принципов. Так, в первой половине двадцатого века обнаруживалось сильное влияние принципов *дополнительности* и *неопределенности*. Эти принципы стали символами современного научного знания.

Метод, идеалы и идолы. К следующим когнитивным элементам, в контексте которых происходит становление и развертывание метода, следует отнести *идеалы* и *идолы*. В качестве примера подобных идеалов, способствующих формированию метафизического метода, С. Крымский приводит «понимание мира как агрегата вещей, а потом и машиноцентризм, когда по аналогии с механическими устройствами рассматривались все феномены природного и социального бытия» [5, 123]. *Идеалы* не являются раз и навсегда заданными. Сыграв свою культурную роль, они устаревают и превращаются в *идолов*, сдерживающих дальнейшее культурное развитие. К своеобразным идолам современности С. Крымский относит *панматематизм*, универсальность *системного анализа*. К приведенному ряду можно было бы еще добавить идол *историзма*, или идол универсальных возможностей *синергетического метода*. Преодолению идола историзма, к примеру, способствует распространение идеи *синхронности*, развиваемой К. Г. Юнгом.

Условия применимости метода. Рассматривая когнитивные инструменты, в контексте которых разворачивается метод, следует особое

внимание обратить на фиксирование *условий его применения*. Опять же, как отмечал С. Крымский, «к множеству существенных характеристик метода относятся также предпосылки его применения» [5, 124]. Отмеченное кажется прописной истиной, но пренебрежение ею ведет к многочисленным некоррекностям. К сожалению, в сознании многих исследователей, да и всего культурного сообщества в целом, все еще активирован идол *истинности*. В результате всему тому личностному знанию, которое оказалось культурно ассимилированным, при всеобщем согласии присваивается статус *объективности* и *истинности*. Сам факт того, что это знание со временем может быть подвергнуто коррекции, вроде бы и признается, но... Использование «устаревшего» знания в изменившихся условиях ведет к заблуждениям.

Заблуждения могут возникнуть и при некорректном использовании методов. В качестве примера можно обратиться к *методу аналогии*. С одной стороны, аналогия обладает огромным конструктивным потенциалом, с другой — перенос знания из области его изначального применения в новые границы всегда является достаточно рискованным предприятием. Отмеченное вовсе не имеет целью приуменьшить значение метода аналогии. Цель — в другом: настроить методологическое сознание на уважительное отношение к соблюдению условий применимости метода.

Уже несколько раз употребленное словосочетание — *методологическое сознание* требует прояснения. Многое из сказанного выше о *методе* свидетельствует о том, что его разработка, детальное продумывание всех его процедур может оказаться абсолютно бессмысленной деятельностью, если ее передать машине. Обнаружение метода и прояснение его сути является исключительно *человеческим занятием*, и роль *человеческого сознания* при этом оказывается принципиальной. Необходимо согласиться с С. Крымским в том, что, говоря о методе, следует мыслить существование и *методологического сознания*. Тот или иной метод не исчерпывается его элементами. Жизненность методу, понимаемую как его творческое использование в самых различных зонах методологического оперирования, обеспечивает *оперирующее методом сознание*. Именно наличие *методологического сознания* является тем важнейшим условием, без которого ни один метод не работает. И, как бы четко ни было выполнено то или иное методологическое предписание, всегда остается *нечто*, весьма сложно поддающееся экспликации, без чего ни один метод не может полноценно функционировать. С. Крымский отмечает, что «при работе с конкретным методом необходима непрерывная работа

ценностно-регулятивного механизма сознания, чтобы обеспечить адекватность выбора и надежность результатов. Метод как способ выбора тут смыкается с сознанием как формой ценностно-регулятивной деятельности». И далее: «Недостаточность метода и необходимость его реабилитации посредством сознания определяется тем, что, во-первых, в познании власть правил и норм не исключительна; у нее есть свои ограничения. И, во-вторых, не существует правил и норм, которые бы не нарушались» [5, 133]. Таким образом, любые описания того или иного *метода, методологических процедур* должны быть изначально понимаемы не как некая догма, а как материал, с которым предстоит работать *методологическому сознанию*.

На условия применения метода можно посмотреть и с иной, более традиционной стороны, а именно — с точки зрения специфических особенностей той среды, в которую метод погружается. К примеру, в настоящее время достаточно широко распространено применение феноменологического метода. Его активно используют в социологии, психологии, политологии. Совершенно очевидно, что специфические особенности среды ведут к определенным методологическим трансформациям, придавая тем или иным методологическим процедурам особые свойства.

Метод и методологические процедуры (французское *procedure* происходит от латинского *procedo* — продвигаюсь). Если прибегнуть к метафоре, то к плоти любого метода следует отнести *методологические процедуры*. Именно они в первую очередь обнаруживаются в результате философской рефлексии над процессом развертывания деятельности. До момента своей терминологической проявленности эти процедуры ощущаются как некоторые *повторы* тех или иных действий. Когда же процедуру удается терминологически обозначить, она начинает выступать своеобразным центром конденсации для обнаружения других процедур. В своей совокупности, проявленные в контексте тех или иных *принципов, идеалов, условий, процедуры* способствуют формированию *метода*. При этом между *методологической процедурой* и *методом* существует значительный иерархический зазор. Метод обнаруживает себя процедурной проявленностью. Существование метода без составляющих его процедур сложно представить. В то время как существование отдельных процедур вне метода вполне допустимо. В отличие от метода методологические процедуры *гибки и пластичны*. Эта пластичность и позволяет осуществляться методологическому *шиванию* или иначе — использованию различных методов в ходе развития одной мысли. С учетом отмеченного

становится понятно, что проводимый методологический анализ на уровне выявления *процедур* позволяет глубже проникнуть в постижение сути метода.

О метаконцептных построениях как методологической процедуре. Термин метаконцепт является производным от термина концепт. Исследованию концепта посвящена отдельный фрагмент монографии «На пути к многомерному мышлению» [3]. В данной публикации можно лишь ограничиться утверждением о том, что в развиваемом подходе под концептом понимается открытое множество смыслов, соответствующих термину, тот или иной концепт именуемому. Концепты могут быть авторскими, если множество смыслов зафиксировано в текстах, созданных одним автором, и смешанными, когда одному и тому же термину ставятся в соответствие смыслы, извлеченные из совершенно различных источников. Смешанные концепты используются чаще всего в практике обыденного или художественного мышления, которое следует отличать от мышления научного либо философского.

Концепт может находиться либо в состоянии своего *становления*, когда в ходе построения концепта актуализируются все новые и новые смыслы, соответствующие термину, концепт называемому, либо в состоянии *восстановления*, когда в результате анализа корпуса текстов, созданных тем или иным автором, имеет место восстановление соответствующего множества смыслов. Из отмеченного понятно, что смысловое множество того или иного концепта всегда является принципиально открытым, готовым к включению нового смысла.

Одной из отличительных функциональных особенностей концепта оказывается то, что все множество (или группа) смыслов, заключенных в концепте, должны быть актуализированы практически *одновременно*, что предполагает раскрытие *многомерного* или *гиперпространства смыслов* (соответствующее терминологическое выражение вводится и поясняется в монографии [3]). Оперирование концептами сопряжено с необходимостью сознательной работы с многомерными смысловыми пространствами.

Главной целью обращения к *концепту* является возможность обнаружения новых смыслов, данному концепту соответствующих, что, в свою очередь, позволяет осуществиться более глубокому постижению *суть* тех или иных сущностных, феноменальных проявлений (если под *сутью* понимать *то*, что возникает в результате синтеза множества *смыслов*). Вероятность проявления новых смыслов повышается при *одновременном* оперировании уже вскрытыми смыслами.

Переходя теперь к *метаконцепту*, его можно определить как *совокупность нескольких* концептов, имеющих одно имя, актуализированных в одном и том же *многомерном пространстве смыслов (гиперпространстве смыслов)*. Оперирование *метаконцептами* наиболее востребовано при исследовании *сложных объектов*, изучающихся в рамках совершенно различных подходов, методологических установок.

Метаконцепт имеет некоторое сходство со *смешанным концептом* и поэтому необходимо подчеркнуть их различие. В случае *смешанного концепта* термин, концепт именуемый, объединяет совокупность *отдельных* смыслов, имеющих совершенно разные источники своего происхождения. Что же касается *метаконцепта*, то его имя «*стягивает*» уже не совокупность *отдельных* смыслов, а группу *различных авторских концептов*. К примеру, при исследовании концепта *смысл* одновременно и равноправно могут быть соотнесены точки зрения на природу смысла, развиваемые в работах Ж. Делеза, Г. Фреге, Э. Гуссерля, В. Налимова, А. Лосева. Таким образом, смысловая мощь метаконцепта во много раз превышает количество смыслов, отраженных в *смешанном концепте*.

Существование *метаконцепта* предполагает раскрытие смыслового пространства значительно большей мерности, нежели при работе с отдельными концептами, метаконцепт образующими, что требует, несомненно, значительно больших когнитивных усилий познающего субъекта. Метаконцепт позволяет одновременно удерживать в раскрытом состоянии более мощные смысловые многообразия, нежели в случае концепта, повышая таким образом не только вероятность обретения новых смыслов, но и способствуя увеличению их качественного разнообразия. Таким образом, главное отличие *метаконцепта* от *концепта* в *мерности смысловых пространств*, необходимых для их существования. Соответствующая мерность является *непостоянной* (или иначе — *текучей*). Понимать сказанное можно следующим образом: мерность смыслового пространства, соответствующего тому или иному *концепту* или *метаконцепту*, определяется количеством одновременно актуализированных смыслов, которые сознательно удерживаются субъектом, оперирующим концептом. Это количество может со временем меняться, приводя к изменению мерности. Таким образом, практика оперирования концептами оказывается принципиально многомерной.

Самым кратким образом характеризуя *метаконцепт*, следует особо обратить внимание на способ его *временного развертывания*. Если каждый конкретный концепт связан с историческим

временем (временем своего создания или воссоздания), то метаконцепт, с одной стороны, существует вне времени, ибо в нем одномоментно объединяются концепты, сформированные в разное историческое время, с другой стороны, в метаконцепте связь со временем сохраняется, ибо он сам сформирован в тот или иной исторический период и потому несет на себе соответствующие парадигмальные влияния, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток на характер извлекаемых смыслов.

Подводя итог всему отмеченному выше, можно сформулировать следующие **выводы**.

Развитие той или иной методологии предполагает параллельное уточнение представлений о фундаментальных методологических элементах, к ряду которых в данной публикации отнесены *вера, принципы, идеалы, процедуры*.

Самые предварительные размышления о многомерной методологии позволяют ввести представления о процедуре *компактификации*, которая может быть прояснена в ходе соотнесения с процедурами *сжатия, редукции, синтеза*.

В качестве фундаментальной процедуры многомерной методологии предлагается рассматривать процедуру *формирования метаконцептных построений*. При этом термин **метаконцепт** означает одновременную актуализацию в едином исследовательском пространстве нескольких авторских концептов. Оперирование метаконцептами существенно повышает возможность обнаружения новых смыслов мыслимого.

Работа с метаконцептами направлена не на выявление неких *наиболее важных, истинных* смыслов. Главной целью, как и при оперировании концептами, остается проявление смыслов *новых*.

Метаконцептные практики способствуют актуализации процедур *иерархического упорядочивания* раскрывающегося смыслового многообразия. Детальное исследование этих процедур можно рассматривать в качестве перспективного направления будущих исследований.

Литература:

1. Келле В. Ж. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века / В. Ж. Келле // К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г.). Серия «Symposium»; вып. № 12. — СПб : Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. — С. 53–62.
2. Келле В. Ж. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования / В. Ж. Келле // Вопросы философии. — 1980 — № 7. — С. 64–73.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. — Одесса : Печатный дом, 2010. — 372 с.
4. Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна : пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина / Ж. Брикмон, А. Сокал. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. — 248 с.
5. Крымский С. Экспликация философских смыслов / С. Крымский. — М. : Идея-Пресс, 2006. — 240 с.
6. Сачков Ю. В. Научный метод: вопросы и развитие / Ю. В. Сачков. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 160 с.
7. Полани М. Личностное знание : пер. с англ. / М. Полани ; общ. ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. — М. : Прогресс, 1985. — 343 с.

Богата Л.М. Метаконцептні побудови у контексті методологічних міркувань. — Стаття.

Анотація. Метаконцептні побудови є складовою частиною багатовимірної методології, що формується. Уявлення про концепт, метаконцепт та їх методологічні можливості уводяться в статті як наслідок загальнометодологічних міркувань, що актуалізують уявлення про метод в контексті низки таких найважливіших когнітивних інструментів як віра, принципи, ідеали. Пропонуються до розгляду процедури компактифікації, досліджуються елементи протометодологічного аналізу.

Ключові слова: метод, методологія, концепт, метаконцепт, багатовимірність

Bogataya L.N. Metaconceptic constructions in the context of methodological reasonings. — Article.

Summary. Metaconceptic constructions are an element of the multidimensional methodology that is being emerged nowadays. Interpretations of the concept, metaconcept and their methodological resources are introduced in the article as a result of general methodological considerations that actualize the ideas of method in the context of a number of important cognitive means such as faith, principles, and ideals. The procedures of compactification are suggested for consideration and the elements of protometodological analysis are studied in the article.

Key words: method, methodology, concept, metaconcept, multidimensionality.